

Корр.: Обычно, когда речь заходит о том, как состоялось выдвижение, кандидаты отвечают примерно так: выдвинул меня трудовой коллектив, и я не мог отказаться, поскольку доверие товарищей считаю нужным оправдать. Без сомнения, чувство ответственности перед товарищами нельзя сбрасывать со счета. Но ведь каждый из кандидатов не может не иметь и своей точки зрения. Поэтому первый вопрос к вам будет таким: как вы отнеслись к факту своего выдвижения? Почему вы согласились выдвинуть свою кандидатуру?

Романов: Меня выдвинул городской комсомол. Как я к этому отношусь? Постараюсь быть открытым, как вы предлагаете... У нормального человека есть вполне нормальное честолюбие. Будем исходить из этого. Сам факт того, что меня выдвинули, приятен и лестен. Ну и конечно, как человек, знающий себе цену, я считаю, что определенные данные для такого рода деятельности у меня есть. Хотя я сознаю всю меру ответственности за все последствия факта избрания. И, честно говоря, не испытываю в душе особой радости по этому поводу. После такой шумной избирательной кампании депутат должен будет головой отвечать за город. Если раньше звание депутата как бы прикладывалось к основной должности, то теперь ситуация в корне изменилась. Личные качества депутата, помноженные еще раз на его личные качества, будут определять суть его позиции... Нет, великой радости я не испытываю. Но сам факт доверия, оказанного мне молодежью, приятен. Я бы сам никогда не подумал себя выдвинуть, к примеру, от нашего коллектива. Мне бы и в голову не пришло, честно говоря.

Корр.: Выдвигали ли вас раньше в выборные органы?

Романов: Да. Сейчас я — депутат областного Совета народных депутатов.

Корр.: Как вы оцениваете свое участие в его работе? Удавалось ли вам что-то сделать как депутату?

Романов: Пока работаю плохо. В силу того, что мое депутатство совпало с моим назначением на должность ректора. Но кое-что мне все-таки удалось сделать. За полтора года работы я принял 52 человека, обратившихся ко мне за помощью как к народному депутату. В масштабе местных Советов это немало. Люди обращались с самыми разными вопросами: по детским садикам, по жилью, с жалобами. Мне удалось оказать помощь 42 из них. Это первое. Кроме того, я — председатель комиссии по народному образованию области. Работа в основном бумажная. Наверное, ее тоже можно было бы выполнять лучше. Но то, что можно было сделать, я сделал. Отстоял школу № 65 — ее собирались закрыть. Вышел на председателя облисполкома с предложением, как формировать 10-процентный горисполкомовский жилой фонд. Я знаю, что Челябинский облисполком писал по этому вопросу в центр. Пока договорились о том, что если отчисления на строительство идут централизованно от Госстроя — 10 процентов жилья выделяется горисполкому, если на хозрасчетной основе — все остается на балансе предприятия. Но это пока немного не то, конечно. Хотя с конкретным избирателем я работаю.

Корр.: Как вы представляете себе деятельность народного депутата СССР? Как вы будете строить свою работу, если вас выберут?

Романов: Конкретной технологии я пока не знаю, хотя хорошо знаком со структурой власти. Представляю себе характер шагов, которые нужно предпринимать. Я имею в виду там, наверху. У меня есть принцип: делается то, что делаешь, понимаешь? Нужны для этого профессиональные знания, дела, воля и желание помочь. Самое уязвимое в положении депутата — отсутствие в его руках реальной власти. Поэтому у меня первым пунктом программы обозначен именно этот вопрос: что можно уже сегодня дать в руки

депутату. Потому что даже если мы сегодня в Совете соберем сто или тысячу гениев — это будет пустой затеей, ведь они практически при нынешнем порядке вещей ничего сделать не смогут. Нет у них сейчас реальной власти.

Корр.: В чем вы видите причину этого безвластия?

Романов: Потому что написан этот статус — я имею в виду статус народного депутата — по форме, отвечающей таким требованиям: депутат должен сидеть и поддакивать. Статус депутата приспособлен под систему механического представительства, нужного ради самого факта представительства. Под систему голосования только «за».

Корр.: То есть он рассчитан на обеспечение нужного и при этом безотказного большинства...

Романов: Да. Право депутатского запроса можно использовать только через сессию. Во-первых, не пробьешься на сессию. Во-вто-

ро, там не будешь выносить все вопросы и все проблемы. Я считаю, право депутатского запроса должно быть универсальным, распространяться на все инстанции, включая и партийные органы, — ведь многие вопросы решаются там. Должна быть четко определена ответственность чиновников за волокиту по поводу запроса. Депутату надо дать право оперативно использовать средства массовой информации. Ввести в практику инициативные депутатские проверки с привлечением государственных и народных контролеров. Дать депутату право прямого прохода к любому начальнику, право приглашения на прием руководителей данного региона. То есть, помимо общественного мнения, нужны реально осязаемые права, чтобы депутат чувствовал себя действительно значимой фигурой.

Корр.: Но ведь любой из наших законов, как это показывает практика, может быть сведен на нет рычагом, который и по сей день в руках бюрократии. Так называемый аппаратный саботаж...

Романов: При самых худших условиях, при сохраняющейся бюрократизированной системе управления миссия народного депутата заключается в том, чтобы практически бороться со злом. Конкретная борьба с конкретным злом на разных уровнях — и местном, и государственном. Потому что депутат олицетворяет в себе и силу власти, и интересы народа. Он — фигура одновременно государственная и общественная. Его задача — реализовать свои полномочия, то есть он должен, как говорится, выворачиваться из кожи вон, стремиться к действию и действовать. Это будет сложно, я хорошо себе представляю, насколько это будет трудно выполнить. Если мне удастся хотя бы частично реализовать свою программу (конечно, в случае избрания), это будет здорово.

Корр.: Сейчас вы много времени отдаете встречам с людьми. Какой вопрос вам задают чаще всего?

Романов: Самое удивительное, что чаще всего задают вопросы политические. Причем глобального

Валентин РОМАНОВ, ректор МГПИ,

профессор:

„ВЕРЕН СВОИМ ПРИНЦИПАМ“

оценки ценностей, пересмотра своей позиции?

Романов: Я во все времена — до застоя, застойные и после застоя — говорил и говорю одно и то же. Мои принципиальные оценки большинства исторических явлений, если не считать конкретизации отдельных исторических фактов, не меняются. Потому что я никогда никому не подыгрывал. Моя оценка Хрущева не изменилась. Как я оценивал деятельность Бухарина и Троцкого раньше — так же я оцениваю и сейчас. Другое дело — я всегда не принимал односторонних оценок и суждений. Мне кажется, любое явление нуждается в объективном, всестороннем анализе. Его ни в коем случае нельзя искажать в угоду каким бы то ни было политическим течениям и веяниям. Хачатуров и конъюнктурщики терпеть не могу, а они были и в застойные времена, и сейчас.

Самую идею перестройки я считаю верной. Другое дело — не отработан механизм ее реализации. Но это уже практика, это работа. Однако то, что механизм реализации не отработан, порождает такое явление: мы живем сейчас как бы в мире иллюзий, настолько велик разрыв между намечаемым и реально достигаемым. Но это — отдельная тема.

Меня что сейчас волнует: мы говорим о самостоятельности, о демократии, о хозрасчете. Но забываем, что сначала нужно изменить качество работы центра. Централизм и демократия — это две стороны одной медали. Мы разрабатываем сюжет демократии, забываем о новом качестве работы центра. Если централизм раньше выступал в форме монополизации хозяйственных процессов и поэтому мы вообще его сейчас отрицаем, то сегодня нужен централизм как всеобщий координатор, как дирижирование народнохозяйственным комплексом. Демократия не будет работать без нового содержания работы центра, без дисциплины. Дисциплину я понимаю как сложность, ритмичность, скоординированность, как единство воли и действий. Дисциплина — не внешняя регламентация деятельности, это — качество исполнения и персональная ответственность.

Корр.: Имеют ли эти ограничения какой-то политический смысл?

Романов: Думаю, нет. Эти ограничения — итог применения методов, которыми решался кадровый вопрос. С их помощью кадры закреплялись на производстве, создавался кадровый каркас. Но ведь не секрет — в этом каркасе оказывались самые разные работники. Поэтому, думаю, критерий все-таки должен быть один — реальный вклад. И пора его использовать. Стаж и опыт не должны быть абсолютно исчерпывающей характеристикой. Главное — что ты дашь обществу. У меня по молодежным проблемам разработана целая программа. Какие вопросы я считаю безотлагательными? Ссуда молодой семье — это должно решаться на льготных условиях. Проблема помощи молодой матери — до исполнения ребенку трех лет

Лично мне представляется чрезвычайно важным обновление кадрового корпуса сверху до низу. Подбор кадров, думаю, надо вести с таких позиций: чтобы руководитель воздействовал не столько силой власти, сколько силой большей опытности, разносторонности, профессионализма, силой личного авторитета. На первом месте должен стоять авторитет личности, а сила должности — на втором. У нас же сегодня по сути дела кадры остались все те же. Мое глубочайшее убеждение — все упирается в первых руководителях.

Корр.: А в чем, по вашему мнению, заключается роль всех остальных людей?

Романов: Сегодня люди, практически все работающие, вплелись в ткань процесса отбора кадров — система выборов руководителей это гарантирует. Она же создает благоприятную обстановку для реального отбора и выдвижения. Этому способствует развитие де-

предприятия, я считаю, без особого ущерба для себя, за счет отчислений могут помогать матерям. Один критерий должен быть и при присуждении разрядов. Или квартирный вопрос: думаю, в льготном списке могут оказаться молодые люди — яркие, талантливые, нужные производству, но не имеющие большого стажа. То есть и здесь должен срабатывать принцип справедливости. Или взять такую дурь, как налог за бездетность. Словом, когда я говорю о законе о молодежи, имею в виду прежде всего юридически подкрепленный рычаг ломки укоренившейся порочной практики систематического ущемления прав молодых, как экономических, так и социальных.

Корр.: Хотелось бы услышать ваше мнение и по такому вопросу, тоже, кстати, связанному с молодежной проблематикой. Это проблема девальвации интеллектуального труда. Мы все прекрасно помним, как в середине семидесятых годов началось активное противопоставление труда интеллектуала, инженера и труда рабочего. Это проводилось под лозунгом пропаганды рабочих профессий и сопровождалось соответствующими экономическими мероприятиями. В частности, резко возрос в цене физический черновой труд и упал в стоимости труд интеллектуальный. О последствиях этого уже сказано много, в частности, о том, какую деформацию это породило в системе образования.

Романов: Считаю, что большей глупости, чем противопоставление рабочего и интеллекта, придумать трудно. Это — опаснейшая, коварнейшая вещь, понимаете? Это во-первых, и во-вторых, принижены роли образования — абсурд. Мы должны давать молодым людям образование в самом широком смысле этого слова. Степень образованности определяет степень готовности молодого человека к жизни, и самое главное — к движению вперед. Образование должно включать в себя и фундаментальные основы знаний, и практический прикладной цикл. Вне зависимости от того, куда человек потом пойдет работать. Так что проблема образованности — это и для рабочего, и для интеллекта проблема номер один. Мы должны готовить молодых людей не для того или иного рабочего места, а к жизни — готовить грамотных, интеллектуально развитых людей, обладающих и фундаментальными знаниями, и практическими навыками.

Вообще-то даже обидно это противопоставление. Дескать, он рабочий — он хороший, а ты — интеллигент — значит, неполноценный или второсортный для нашей рабочей Магнитки. Есть масса замечательных интеллигентных рабочих, есть масса серой интеллигенции. Я считаю, к этому вопросу надо подходить персонально, кто чего стоит. Когда действовала установка на вал, призывы «давай любой ценой», тогда были в цене просто физические крепкие рабочие руки. Когда начинают действовать такие понятия, как качество, новейшая технология, потребность в интеллекте растет. Не было производственной потребности в интеллектуальном труде. Не было заказа от жизни на интеллигент — думаю, поэтому действовала такая ориентация в обществе. Это не вина наша — это наша беда.

Корр.: И последнее, традиционное: несколько слов о семье, о зарплате, о личных благих...

Романов: Ни машин, ни садов и прочих льгот и удобств не имею. Но квартира хорошая, четыре комнаты. Я получил ее будучи рядовым профессором. Двое детей. Зарплата 550 рублей.

Корр.: Это вместе с окладом, с надбавкой за ученую степень?

Романов: Да, за все сразу. Получал столько же, будучи профессором. Став ректором, в зарплате не приобрел, а вот во времени — очень потерял. Никакими спецмагнитофонами, спецльготами не пользовался и не пользуюсь.

Беседовала с кандидатами в народные депутаты СССР В. БЫСТРОВА,